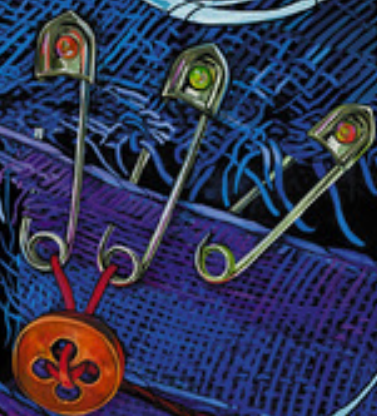

ПЯТЪС

НЯПЪДИНГ,
СЭНСЭ

ОПЪДИНГ

Макс Фрай
НяпиZдинг, сэнсэе

«Издательство АСТ»

2014

Фрай М.

НяпиZдинг, сэнсэе / М. Фрай — «Издательство АСТ», 2014

ISBN 978-5-17-088559-6

О содержании этой книги с уверенностью можно сказать одно: Заратустра ничего подобного не говорил. Но наверняка не раз обо всём этом задумывался. Потому что вопросы всё больше простые и очевидные. Собственно, Макс Фрай всего этого тоже не говорил. Зато время от времени записывал – на бумажных салфетках в кафе, на оборотах рекламных листовок, на попонах слонов, поддерживающих земную твердь, на кучевых облаках, в собственном телефоне и на полях позавчерашних газет. Потому что иногда записать – это самый простой способ подумать и сформулировать.

ISBN 978-5-17-088559-6

© Фрай М., 2014
© Издательство АСТ, 2014

Содержание

А	6
Б	7
В	9
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Макс Фрай

НяпиZдинг, сэнсэе

Книга публикуется в авторской редакции

© Макс Фрай, текст

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Капитан Очевидность умер, и теперь все позволено.

А

Автор текста должен быть равновелик (как минимум) своему замыслу, поднятая тема должна помещаться в него целиком. Это недостаточное, но совершенно необходимое условие успешного решения задачи.

Поэтому так много талантливых и интересных житейских историй (любого формата, включая дневниковые записи). И поэтому же очень мало кому удается писать о любви и смерти так, чтобы читать не было стыдно, скучно и тошно.

И совсем уж мало кому – о непостижимом и неопределённом.

Точно знать, что в тебя помещается, а что нет, гораздо важнее, чем иметь большие размеры себя. Потому что размеры наращиваются постепенно, как мышцы в ходе тренировок, дело житейское. Но тренировки начинаются только после того, как заканчиваются мучительные и бессмысленные попытки засунуть слона в прикроватную тумбочку.

Б

Бог дается (или не дается) человеку в ощущениях, поэтому вопрос «есть ли Бог?» из числа самых бесполезных. Ощущения – штука зыбкая, переменчивая. То есть, то нет. То – бац! – опять есть.

Разнообразные ритуалы придумывались для появления сходных ощущений у достаточно большого числа представителей текущей культуры. Храмы замышлялись как «места силы», где ощущения обостряются. Вряд ли можно изобрести ритуал, который будет воздействовать на всех; с местом несколько проще, есть такие, где вообще все хоть что-то дополнительное чувствуют. Как интерпретируют – это уже не очень важно.

Вера, строго говоря, просто доверие собственным ощущениям. А дискуссии совершенно бесполезны, Бог – штукавина сугубо практическая, а не теоретическая, чего тут обсуждать.

Бог – это то, наедине с чем мы остаёмся, когда нас нет.

А способов попробовать, что такое «меня нет» великое множество. Каждый в отдельности мало кому подходит; всякому подходит хоть что-нибудь.

Чего тут думать, прыгать надо, прыгать. Прыгать.

* * *

Больше всего на свете люблю, когда моя картина мира трещит по швам. Почаще бы она это делала!

Потому что, во-первых, у меня такая базовая картина мира, что... Короче. Свифта читали? Так вот, он по сравнению со мной суший ангельчик.

Примерно девяносто процентов осколков Андерсеновского зеркала осели в моих глазах. Остальные десять были честно поделены между прочим человечеством.

Я, конечно, умею приводить свою картину мира в более-менее пристойный вид. Каждый день этим занимаюсь с самого раннего детства. Такой тяжёлый труд, что на остальные действия почти не остается сил. Хотя у меня их много.

Но даже будучи приведённой в порядок моя картина мира – и это уже во-вторых! – неполна и несовершенна. Потому что мне приходится пользоваться умом человеческим аналитическим одна штука. Другого не завезли. А человеческий ум просто не способен вместить картину мира, более-менее приближённую к полной и совершенной.

Поэтому всякое обрушение своей картины мира я считаю очередным уточнением.

И надо сказать, за годы жизни моя картина мира уточнилась, так сказать, в обе стороны. В смысле, всё даже хуже, чем мне с самого начала казалось. Но при этом намного лучше! И это совсем не парадокс. А просто очередное уточнение.

* * *

Будем честны, почти никто из людей не имеет вообще никакого моста к своей подлинной природе (пока не займется специальными практиками, да и то большой вопрос, получится

ли хоть что-то при жизни). При этом каждый человек ощущает дикий голод на этом месте (вопрос лишь в том, осознает он или нет, а если осознает, то под наркозом, или вживую).

Этот голод кормится, по большей части, фантазиями. Фантазии, конечно же, вполне себе могут подкрепляться удивительными ощущениями и прочей условной плотью. Потому что заполнить именно эту дыру человеку надо позарез.

Это вопрос не просто жизни и смерти, а бессмертия и небытия. Потому что за бессмертие отвечает подлинная природа, к которой у смертной сиюминутной личности доступа нет.

Собственно, все стоящие практики, как понимаю я сейчас, завязаны на вытаскивание бессмертного сознания в сиюминутность, где оно может сплавиться с личностью, и тогда бессмертной станет именно та личность, которая живет сейчас. А не только смутное и неопределённое богоподобное нечто, с которым она (личность) вообще не знакома.

Ну и понятно, что никаких серьёзных разговоров на эту тему быть не может, пока нет безупречной внутренней честности, позволяющей сказать (себе же): вот это явно мои фантазии, а это просто сны, а вот это смутное незнамо что, может быть правда обо мне, а может быть тоже неправда, я пока просто не знаю.

Такая честность подобна самоубийству самурая, только еще жёстче, потому что отсекает иллюзию собственного бессмертия, ставит лицом к лицу с небытием.

Если часто практиковать этот невыносимый пиздец, появляется небольшой шанс пойти дальше. Туда, где нас ждёт уже не иллюзия. Вернее, не стопроцентная иллюзия, потому что немножко бессмертного невыразимого в ней тоже есть.

Наверное.

В

В ботаническом саду гуляла пара, мальчик и девочка. То есть, дяденька и тётенька лет двадцати с чем-нибудь, но в состоянии «мальчик и девочка». Очень радостные и довольные жизнью.

Потом они начали фотографироваться. Девочка зашла в самую гущу цветущих лилий и стала там подпрыгивать, размахивая руками и всем своим видом демонстрируя восторг. А мальчик фотографировал, стараясь, как я понимаю, запечатлеть момент прыжка.

Потом они вместе осматривали результат, и девочка снова шла в цветы радостно прыгать, а мальчик снова щелкал кнопку. В перерывах они оба выглядели озабоченными, усталыми и даже раздражёнными. То есть, как типичные дяденька и тетенька, если называть вещи своими именами.

Потом съёмка наконец закончилась, парочка незамедлительно обрела прежнее блаженное состояние и отправилась бродить среди цветов и трав.

И вот в чём парадокс.

...Правда состоит в том, что этим людям было очень хорошо сегодня в ботаническом саду. Фотография, над которой они бились, призвана, как я понимаю, задокументировать их в высшей степени позитивные переживания для дальнейшего предъявления гипотетической публике.

Однако для создания эффектной наглядной демонстрации состояния «нам очень хорошо» ребятам пришлось временно выйти из этого состояния.

То есть, в момент производства отчёта о блаженстве хорошо им вовсе не было. Модель старательно изображала визуальные проявления радости, а фотограф старался сделать соответствующий радостный снимок. У них не получалось, но они пробовали снова и снова. Устали от неудач, были раздражены.

Однако в итоге фотография (если она всё-таки получилась) станет совершенно правдивым отчетом о счастливой прогулке в ботаническом саду, вот в чём штука.

То есть, людям пришлось соврать для того чтобы внятно и эффектно сказать правду.

На их месте мог быть (и регулярно оказывается) всякий художник.

* * *

В детстве мне часто снился сон про некрасивый массивный дом (так называемый «сталинский», как выяснилось много позже). Как я иду по улице мимо и смотрю на арку, которая ведет во двор, и у меня двойственное чувство – с одной стороны, дом кажется мне таящим угрозу, а с другой, очень притягательным. Так и тянет войти под эту арку, но я остаюсь на месте и просыпаюсь с чувством облегчения – уффф, пронесло.

Во сне мне было известно, что дом этот находится где-то в Одессе.

В Одессе мы тогда проводили около месяца в году – летний отпуск родителей. Мне там была знакома только дорога от нашего дома до пляжа «Дельфин», кладбище на Слободке, куда меня таскали родители, парк имени Ленина возле дома, где мы часто гуляли по вечерам, и

улица Дерibasовская, куда мы иногда торжественно (на такси) отправлялись в кафе-мороженое. Сталинского дома с аркой на этих маршрутах не было. Мне, конечно, хотелось его отыскать, но возможности ребёнка в этом смысле крайне ограничены.

...Потом, когда мы вернулись в Одессу, мне было уже девять лет, и мои исследовательские возможности существенно расширились. Но дом с аркой так и не попался мне на глаза, а потом сны о нем не то чтобы забылись, но перестали казаться чем-то важным, и поиски прекратились.

Когда мне было шестнадцать лет, мне дали на пару дней книгу стихов Арсения Тарковского. Неважно, кто дал и почему, скажу только, что владелец книги сильно переоценивал меня как потенциального читателя.

Поэзия меня в ту пору интересовала крайне условно. Ну, то есть, если пишешь свои стишки (а кто в шестнадцать лет их не пишет), надо иногда читать чужие. Из вежливости, что ли. И, по возможности, прилюдно хвалить – которые складные и не слишком скучные. Чтобы не подумали, будто тебя, кроме собственных стихов ничего не интересует.

Как-то, в общем, так обстояли мои отношения с поэзией.

И вот иду я по городу с книгой Тарковского в сумке. Из центра домой, на проспект Шевченко, незнакомым маршрутом. Потому что игра в Северо-Западный проход, позаимствованная из рассказа Уэллса «Дверь в стене» по-прежнему оставалась для меня столь же увлекательной, как в детстве. Пройти по незнакомым улицам, заблудиться, испугаться неведомо чего, обрадоваться, обнаружив знакомый переулок, и два часа спустя вернуться домой, как из далёкого путешествия – это мне всегда было интересно; более того, жизненно необходимо.

...На этот раз меня занесло в совсем уж незнакомый район. И в какой-то момент показалось нелишним отдохнуть, а заодно сообразить, куда идти дальше. И, самое главное, покурить. Пачка финского «Мальборо» стала таким важным атрибутом новой взрослой жизни, что не покурить в ходе героического путешествия по неисследованным землям было просто невозможно. А для этого требовалась скамейка, желательно в более-менее уединенном месте, потому что перекур – это в первую очередь пауза. Отдых от человеческого мира и в некотором смысле от себя.

Укромное место нашлось в огромном проходном дворе, занимающем пространство между двумя улицами. Как заведено в Одессе, двор был зелёный, как положено в середине дня, безлюдный, и скамейка там нашлась, вполне себе скрытая от посторонних глаз кустами изготовившейся зацвести сирени.

При этом просто сидеть и курить мне быстро надоело. Мне в ту пору нравилось гулять в одиночку, но довольно плохо получалось в одиночку сидеть на месте. Приходилось затыкать внутреннее молчание какой-нибудь книжкой. А книжка у меня с собой была – стихи Тарковского. Очень кстати! Вежливость требовала прочитать из неё хоть что-то. Чтобы потом, когда хозяин книжки спросит: «Ну как?» – можно было бодро отбарабанить: «Очень здорово, особенно вот это и вон то». И бойко добавить фактуру, позволяющую опознать якобы любимые стихотворения. Всякий, кто ухитрялся быть отличником в школе, открывая учебники только на переменах перед соответствующими уроками, хорошо знаком с этой техникой.

И вот открываю я книгу стихов Арсения Тарковского. От скуки и из вежливости. И читаю: «Я так давно родился, что слышу иногда, как надо мной проходит студёная вода», – ну и все.

В смысле, для меня наступила прекрасная вечность, проведённая на дне речном. «И город мне приснился на каменном берегу» – это был совершенно конкретный город. И «зелё-

ный луч звезды» вдруг блеснул для меня в солнечном дневном одесском небе. И вообще всё невозможное и немислимое, что должно было случиться, случилось.

Это было полное и чистое разделение опыта с автором. Это было – восприятие. Это было то, ради чего мы все здесь, на этой прекрасной земле, собрались, хотя тогда мне, конечно, в голову не пришло бы думать такими категориями.

Это было одно из важнейших событий в моей жизни. Один из тех внутренних переворотов, которые кардинально изменяют человека и, соответственно, весь мир. Вернее, закладывают фундамент грядущих (и уже неизбежных) изменений. А когда берёшься описывать их словами, то и сказать толком нечего.

Как мне сейчас.

В какой-то момент наступившая вечность всё-таки сменилась нормальным течением времени, сигарета была докурена, книга отправилась обратно в сумку. Пора было идти дальше.

...Поскольку одно из наиважнейших правил моей игры в Северо-Западный проход – не возвращаться, пока окончательно не зайдёшь в тупик, пришлось поискать другой выход из двора. Выход нашёлся – арка, ведущая на улицу (как потом оказалось, Сегедскую).

И уже на улице, когда стало примерно понятно, где я, и в какую сторону идти дальше, что-то дёрнуло меня обернуться.

Конечно, это был тот самый сталинский дом. И та самая арка. Во сне мне не хватало духу туда войти, а наяву входить было уже не нужно, потому что я – уже оттуда.

Очень хорошо помню, что это узнавание не вызвало во мне вообще никаких эмоций. Мне не было ни страшно, ни торжественно, ни даже интересно. Мне было всё равно.

Всё уже случилось, и существо, которое вышло из двора, скрытого за таинственной аркой, было равнодушно к обещаниям, которые неоднократно давали во сне ребёнку, которым оно (существо) когда-то было.

Мне понадобилось очень много лет, огромная дистанция, отделяющая меня не только от ребёнка-сновидца, но и от существа, вышедшего в тот день из-под арки, чтобы оценить наконец красоту обещания инициации и ее тихое, лишённое внешних атрибутов магии воплощение.

* * *

В маленьком супермаркете ККІ кассирша спрашивает: «А вам нужен ваш чек?»

Рассеяно киваю. Чек мне не то чтобы нужен, но я их всегда забираю. Не знаю, зачем. Просто по привычке.

Её коллега из соседней кассы в ответ на мой кивок торжествующе ухмыляется и швыряет в мою кассиршу бумажным шариком – скомканным чеком. Прямо в лоб!

«Вам точно нужен ваш чек?» – переспрашивает моя кассирша, адресуя мне взгляд настолько выразительный и заговорщический, словно мы три года просидели за одной школьной партией. И теперь у нас фронтное братство на всю жизнь, не отменяемое дальнейшими житейскими обстоятельствами.

«О, конечно нет. Мне не нужен чек».

А кто на моем месте ответил бы иначе?

Кассирша улыбается столь ослепительно, словно ей только что была дарована власть над миром, и сейчас она наконец устроит всё по-своему. Раз и навсегда!

Комкает мой чек и швыряет его в обидчицу. Один – один!

Глаза соперниц горят счастливым азартом – кому достанется следующий чек? Обе недлинные очереди, как нарочно составленные из граждан всех возможных цветов, возрастов и полов, добродушно ржут.

Больше всего на свете я люблю, когда люди ведут себя как живые люди. Когда увлекаются игрой, когда доверчиво приглашают в игру всякого незнакомца, не опасаясь, что он побежит стучать начальству. Когда не боятся ни незнакомцев, ни начальства, ни наказания за нарушение инструкций. Когда вообще ни черта не боятся – не потому что такие уж храбрые, а потому что испугаться просто в голову не пришло.

Никогда не устану этим любоваться. Никогда.

Потому что именно отвлекаясь на подобные пустяки, человек возвращается к своей подлинной природе, которая столь далека от прагматичной звериной повадки, все еще позволяющей успешно выживать среди себе подобных, что преодолеть это расстояние можно только за долю секунды или вообще никогда.

* * *

В окнах одного виленского кафе стоят огромные вёдерные колбы из прозрачного стекла, заполненные винными пробками. Это довольно красиво; во всяком случае, такой дизайн в моем вкусе.

Но тут есть одна проблема: пробки слишком чистые.

Ну то есть, они совершенно чистые. Без винных пятен, свидетельствующих, что каждая пробка когда-то закрывала бутылку, которую однажды открыли и распили. За каждой испачканной пробкой была бы история: вот эту бутылку уговорили старые друзья после многолетней разлуки, а эта оказалась лишней и спровоцировала безобразную сцену, из этой сварили глинтвейн, согрелись и не простудились, а эту выпили вдвоём из горлышка и целовались после каждого глотка, эту бутылку разбили, не донесли до дома, и было очень обидно, или наоборот, смешно. И так далее, и так далее.

Мне достаточно увидеть винные пятна на пробках, чтобы сотни историй проявились, ожили и защебетали в моем сознании. А когда я не вижу пятен, историй тоже нет, есть только дизайн – в данном случае удачный, но этого мало, как по мне.

С литературой то же самое; то есть, понятно, что с литературой – в первую очередь.

За каждым винным пятном, за каждой царапиной на штукатурке, за каждой трещинкой на асфальте может стоять история. «Может» – значит должна.

Рассказывать все эти истории читателю вовсе не нужно. То есть, некоторые можно и рассказать, если очень захочется и не помешает развитию основного сюжета. Важно однако не сколько раз мы проболтаемся, а сколько раз промолчим.

За каждым написанным текстом должны стоять дополнительные нерассказанные истории, которые оставили следы в сознании автора и, как следствие, в темной, непостижимой и нечитаемой, но явственно осязаемой глубине текста.

От этих нерассказанных историй текст обретает плотность и достоверность, именно они дают тексту жизнь; собственно, они и есть жизнь.

Дурацкий школьный вопрос «что хотел сказать автор?» может (строго говоря, должен) оставаться без ответа. Но чем больше существует ответов на вопрос «о чем промолчал автор?» – тем больше шансов у жизни победить смерть в отдельно взятом тексте.

* * *

В сумерках разгорается старый уличный фонарь.

Это происходит так: сперва он медленно наливается бледным голубоватым сиянием, трепещущим, как пламя свечи на ветру. Причём чем ярче светится, тем сильнее дрожит. Потом вдруг ррраз – и гаснет.

И пауза.

И когда наблюдатель уже уверен, что фонарь больше не загорится, тот быстро и уверенно наливается тёплым оранжевым светом, таким ярким, что с непривычки приходится отводить глаза.

И это, конечно, очередная история о том, как всё устроено – тут и не только тут. Везде, вообще.

* * *

В такую погоду как нынче тут у нас (пасмурно, сухо, плюс двадцать) мне обычно кажется, что именно сегодня – лучший день моей жизни, идеальный, по моим меркам скроенный, до миллиметра выверенный день, а я сижу на месте, как балда.

Ну или не сижу, а иду гулять, или, напротив, пишу что-нибудь, или отправляюсь по каким-то незначительным делам, позволяющим делать приятные остановки в кафе. И все это вместо того, чтобы...

Чтобы – что?

А вот даже не знаю, что именно. Забраться на самый высокий холм? Уехать за город и бегать по лугам, выкрикивая детские заклинания? Вылезти на крышу и сидеть там, замирая от сладкого ужаса, глядеть в небо, ожидая, пока оттуда спустится лестница, предназначенная для возвращения домой беспутных ангелов и загулявших бодхисатв? Прыгать на одной ножке на берегу реки, в надежде, что мои дикие выходки заинтересуют и приманят русалок? Бежать по центральному проспекту, как разгоняющийся для взлёта самолёт? Покупать имбирное печенье и рассылать его далёким друзьям в пухлых бандеролях?

Я и правда не знаю, что следует делать таким как я в дни, подобные нынешнему.

Когда узнаю, скажу.

* * *

В темноте

Вечером по улице Вильняус, кое-как освещённой витринами и редкими зеленоватыми фонарями, шёл мальчик лет двадцати в слишком тонкой, не по сезону чёрной куртке с капюшоном и карманами на животе. Из-под куртки, впрочем, выглядывал толстенный зелёный свитер, скорее всего, домашней вязки.

Мальчик шел очень быстро, сунув руки в карманы, слегка ссутулившись, вернее, сложив всё тело «лодочкой», как складывают ладонь, чтобы набрать воды. Я знаю этот способ согреться на зимнем ветру, мы тоже когда-то ходили так в своих тонких куртках по берегу моря, тёмного, как концентрат всех зимних ночей, холодного, как сосулька за шиворот, горького, как лекарство, не знаю уж, от чего.

У мальчика было собранное, спокойное и отрешённое, но слегка озабоченное лицо, как у самурая, который собрался совершить ритуальное самоубийство, осталось только написать последнее стихотворение, произнести его, и можно впускать в себя смерть. Но пока не удалось подобрать правильное слово для третьей (к примеру) строки, нужное на один слог длиннее, чем надо, а синонима нет, или просто не вспоминается – ну и вот.

Некоторые люди всю жизнь, с детства до глубокой старости подбирают это чёртово слово, всегда готовые к смерти, но только не к торжеству несовершенства. Не худший, к слову сказать, удел.

Проходя мимо меня, мальчик вынырнул из своего внутреннего омута и отчётливо спросил:

– И что теперь?

– Всё что угодно, – сказал дежурный по моей внутренней кухне, который всегда начеку, всегда готов прийти на выручку, если я не в форме и не понимаю, что происходит. – Всё что угодно, – сказал он, и голос мой звучал куда твёрже, чем в те дурацкие моменты, когда говорить зачем-то берусь я.

– Так и знал, – сказал мальчик.

И поспешил дальше.

А мы с дежурным по внутренней кухне пошли своей дорогой и купили себе у Маркса и Спенсера овсяного печенья, потому что жизнь продолжается, а значит, пора пить чай.

* * *

Вдруг дошло, что я – человек без прошлого.

То есть, события и факты я разумеется помню. Но они совсем не трогают меня. Прошлое – это неинтересно. Оно уже было, чего воду в ступе толочь?

Сделанное в прошлом по большей части хорошо, но тоже неинтересно – оно же уже сделано. А значит его всё равно что нет. Или даже не «всё равно что», а просто нет. И точка.

И так вообще всегда и со всем. Прожито, сделано, подумано, написано – прекрасно, унесите. Идём дальше. Там, впереди, ещё столько всего!

Сейчас я всё это новое проживу, сделаю, сформулирую, запишу, выдохну – и привет. Уносите. Дальше, дальше же! Что дальше?

Белая дыра, натурально.

* * *

Вечер воскресенья

На улице Вильняус подвыпивший человек в красной куртке громко кричал, грозя кулаками невозмутимому небу: «Завтра! На работу! Опять на работу! За что?!»

Вся скорбь мира сего – в этой незамысловатой сценке. Да такая густая, что когда горемыка ушел, она (скорбь) осталась лежать под фонарём уродливой темной кучкой.

Несколько минут спустя всё на той же улице Вильняус хмельные от вдохновения мальчишки лет сорока тщетно пытались прервать обсуждение какой-то непостижимой штуковины и попрощаться, подбадривая друг друга обещаниями: «Ну завтра на работе! С утра встретимся! И я тебе объясню! А я попробую вот так! И ещё спросим...»

Тёмный комок всей-скорби-мира-сего, лежавший под фонарем, рассеялся под напором их энтузиазма.

Если к вам придёт ангел с неба, добрая фея с волшебной палочкой, интеллигентный бес с прейскурантом на бессмертные души, золотая рыбка с новым корытом наперевес, или любой другой потенциальный исполнитель желаний, просите вдохновения, мой вам совет.

Остальное приложится.

А если не приложится, вы и не заметите.

* * *

Власть над миром заключается, кажется, в том, что становится плевать, будет ли по моему.

* * *

Внезапно вспомнилась история о том, как мой прадедушка Джон встречал Новый год.

Дело было, видимо, уже в тридцатые годы, потому что именно Новый год он встречал, а не лютеранское своё Рождество.

Так вот, однажды прадедушка Джон перепутал день.

Не то в доме не было календаря, не то дети вырвали лишний листок, об этом история умалчивает. Факт, что как-то раз утром тридцатого декабря прадедушка Джон приволок из сарая ёлку и велел домашним ее наряжать. В то время ёлку было принято наряжать в день праздника, а не заранее, поэтому домашние поинтересовались: а почему не завтра?

Как – почему? Да потому что сегодня тридцать первое декабря. Какое такое тридцатое? Тридцатое было вчера. Вот какие растяпы мои девочки, чуть Новый год не пропустили.

– Какие соседи? Что они знают, эти соседи? – снисходительно отвечал прадедушка Джон на предложение выйти во двор и спросить соседей, какое сегодня число. – Что ты мне вчерашнюю газету суешь? – строго вопрошал он жену, побежавшую за свежей газетой, как за последним аргументом. – Готовьте стол, а я пошёл по делам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.